

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

DOI 10.19181/nko.2021.27.1.7

УДК 316.012

А. В. Яковлев¹

¹ Институт Африки РАН.
Москва, Россия

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СЛОВ «КОММУНИЗМ» И «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. А. ЕФРЕМОВА О ДАЛЁКОМ БУДУЩЕМ

Аннотация. В статье рассматривается полисемия слов «коммунизм» и «коммунистический». Уделяется преимущественное внимание каноническому значению: бесклассовое общество, в котором осуществится принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Картина такого общества была дана проф. И. А. Ефремовым, каноническое же определение было официально принято в 1961 году. В настоящее время такое понимание вытесняется другим, традиционным для Запада и обозначающим фактически существовавший строй, который И. А. Ефремов называл «лжесоциализмом». Совершающееся в русском языке изменение семантики слова «коммунизм» ведёт к коммуникативным неудачам при восприятии текстов, в которых слово «коммунизм» употреблено в каноническом значении. Наряду с несомненной полисемией имени существительного «коммунизм» (и прилагательного «коммунистический») – коммунизм как общественное движение *versus* коммунизм как общественный строй *versus* коммунизм как мировоззрение следует констатировать лексическую неоднозначность этих слов применительно к общественному строю.

Ключевые слова: полисемия, многозначность, семантика, прагматика, Ефремов, коммунизм, социализм, лжесоциализм, восприятие литературного произведения.

Для цитирования: Яковлев А.В. Семантика и прагматика слов «коммунизм» и «коммунистический» и некоторые проблемы восприятия произведений И. А. Ефремова о далёком будущем // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 80-91. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.7

Семантика – раздел лингвистики, который изучает, как при помощи естественного языка осуществляется передача информации. Механизмы выражения говорящим

коммуникативного намерения своего высказывания и понимания этого намерения слушающим изучает лингвистическая прагматика, рассматриваемая как интегральная

часть лингвистической семантики [1, с. 164].

В связи с семантикой указанных в заглавии слов вспомним, что обычно различают два типа лексической неоднозначности: недоопределенность, называемую также речевой многозначностью, и (языковую) многозначность, или полисемию.

И. М. Кобозева уточняет: «О недоопределенности, или речевой многозначности мы говорим тогда, когда некоторые характеристики денотата слова, которые в его лексическом значении не зафиксированы, в разных ситуативных контекстах могут «определиться» по-разному. Так, изолированное от контекста предложение *Иван кашлянул* оставляет нас в неведении относительно того, действовал ли Иван намеренно, или с ним это произошло помимо его воли. В конкретной ситуации употребления оно может обозначать либо намеренное действие человека, желающего привлечь к себе внимание или прочищающего горло перед тем, как запеть и т.п., либо рефлекторную реакцию его организма на какие-либо раздражители. Но главное, что вполне возможно и такое употребление, в котором говорящий имеет в виду только информацию о характере произведенного кем-то звука, не зная, либо не считая важным, аспект намеренности / ненамеренности этого действия. <...>

О полисемии, или языковой многозначности мы говорим тогда, когда при употреблении неоднозначного слова в контексте ситуации говорящий обязательно имеет в виду только одно из его значений. Так, глагол уточнить имеет два значения: 1) 'сообщить более точную информацию о чем-л.', как в (12); 2) 'сделать так, чтобы получить более точную

информацию о чем-либо', как в (13) и (14). Изолированное от контекста предложение (15) можно понять в любом из этих значений:

(12) Он уточнил, что придет не раньше восьми вечера.

(13) Медсестра уточнила у Петра его отчество.

(14) Ученик уточнил написание слова по словарю.

(15) Таксист уточнил, с кем сегодня играет «Ак Барс».

Но говорящий, употребляя (15) в речи, должен иметь в виду только одно из них. Неопределенность в подобных случаях исключается» [1, с. 187-188].

Разграничение недоопределённости и полисемии не столь отчётливо и очевидно, как кажется на первый взгляд. Так, слово «палец» в русском языке может означать и палец руки, и палец ноги; иная ситуация во французском языке, где *doigt* – это только палец руки, *orteil* – только палец ноги, и нет – по крайней мере, среди слов высокой степени освоенности – общего обозначения для пальцев рук и ног. Поэтому в русском предложении «Матушка растёрла Егорке закоченевшие пальцы» с точки зрения носителя русского языка имеет место скорее недоопределённость, с точки же зрения носителя французского – неоднозначность.

Лексическая неоднозначность слова «коммунизм» обнаруживается уже в «Немецкой идеологии» – труде, созданном К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1845-1846 гг. и впервые полностью изданном в Москве в 1932 г.; читатель видит, что наряду с общественным строем, свободным от отчуждения прибавочной стоимости, этим словом обозначается и общественное движение: «Коммунизм для нас не состояние, которое

должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [2, с. 34]. В русском языке людей, родившихся и выросших в СССР, такое значение слова «коммунизм» либо отсутствовало, либо воспринималось как устаревшее.

В августе – сентябре 1917 г. В. И. Ленин, интерпретируя отдельные положения «Немецкой идеологии», разделил узкий и широкий смыслы слова «коммунизм» как обозначения общественного строя: **«научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества.** Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что **это не полный коммунизм»** [3, с. 98]. Расширительное понимание «коммунизма», включающее как «полный коммунизм», так и социализм, существовало и существует только в научной, но не в так называемой «наивной» картине мира.

Представление о коммунизме в узком смысле слова («полном коммунизме») как бесклассовом общественном строе, в котором осуществится принцип *«от каждого – по способностям»*, бытовавшее в нашем Отечестве с начала XX века, по итогам длительного всенародного обсуждения, инициированного Центральным комитетом КПСС, обрело каноническую формулировку в материалах XXII съезда КПСС, состоявшегося в октябре 1961 г.: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй

с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [4, с. 274].

В МГУ на вступительных экзаменах по истории проверяли знание этого определения наизусть. Будем называть такое понимание слова «коммунизм», как и само определение, каноническим.

Развёрнутая картина именно такого общества – и именно с таким названием – дана в романах д-ра биол. наук, проф. И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка» – естественно, в жанре научной фантастики, коль скоро речь идёт о будущем. Важные суждения, касающиеся коммунизма как общественного строя, содержатся также в его повести «Сердце Змеи». (Четвёртое произведение И. А. Ефремова о далёком будущем – короткий рассказ «Пять картин» – здесь не рассматриваем.) «Туманность Андромеды» была написана в 1956 году, год первой журнальной публикации – 1957, первой полнотекстовой книжной публикации – 1958. Роман сразу же стал издавать-

ся миллионными тиражами, на десятках языков. Повесть «Сердце Змеи» была написана на одном дыхании с «Туманностью Андромеды» в 1958 году и многократно издавалась начиная с 1959 года. Библиографии этих произведений, включённые в издание 1975–76 года, включают 30 пунктов по «Туманности Андромеды» и 10 – по повести «Сердце Змеи» [5, с. 380-381]. Заметим в скобках, что внимательное чтение «Сердца Змеи» приводит к выводу, очевидному не для всех: действия романа и повести происходят в разных временных развёртках: события, описанные в «Сердце Змеи», не могут быть по отношению к событиям «Туманности Андромеды» ни прошлыми, ни будущими, ни одновременными. Ефремовское коммунистическое будущее разновариантно. Заметим также – и отнюдь не в скобках – что роман польского писателя Станислава Лема «Магелланово облако», опубликованный впервые на языке оригинала в 1955 году, а на русском языке в 1960, также разворачивает перед читателем картину общества, пусть во многом отличного от ефремовского, но вполне соответствующего идеалам, давно уже владевшим умами и отражённым чуть позже в процитированном здесь каноническом определении, официально утверждённом 31 октября 1961 года. К «Магелланову облаку» мы ещё обратимся в связи с «покаянием» С. Лема.

Общественный строй, существовавший в СССР и обычно именованный у нас «социализмом» (со второй половины 70-х годов XX в. в официальных текстах также «реальным социализмом»), а в ефремовской среде – «лжесоциализмом», и на уровне деклараций увязывавший-

ся с принципом «от каждого – по способностям, каждому – по труду», воспринимался обыденным сознанием не как начальная стадия коммунизма, а как строй, *предшествующий* коммунизму, как элемент парадигмы «1) первобытно-общинный строй; – 2) рабовладение; – 3) феодализм; – 4) капитализм; – 5) социализм; – 6) коммунизм».

Заметим попутно: в аспекте речевой прагматики появление новой лексической единицы «реальный социализм» как связанного словосочетания свидетельствовало о том, что официальная пропаганда уже не могла игнорировать очевидный факт: представление о нереализованных, альтернативных, моделях «социализма» стало фактом общественного сознания. Слова «альтернативный», «альтернатива», «модель» вызывали насторожённость, их операциональное употребление в позднебрежневском СССР было нежелательным.

Усиленное различение понятий «социализм» и «коммунизм» в указанном выше понимании нашло выражение, во-первых, в текстах официальной пропаганды, таких как лозунги «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», «Мы придём к победе коммунизма», «Коммунизм в нашей стране будет в целом построен к 1980 году»; во вторых, в обиходно-разговорной речи, в частности в многочисленных анекдотах, которые не всеми ещё забыты: «Ой, не доживу!» (ответ Господа Бога на вопрос советского человека: «Когда будет коммунизм?» в анекдоте о беседах Всевышнего с белым южноафриканцем, евреем из Израиля и советским человеком), «А если вы нам земли до Урала отдадите, мы вам коммунизм построим» (последняя фраза

анекдота о переговорах с японцами) и т.д.

На первый взгляд кажется поразительным – но приведённое выше каноническое определение основывается на более раннем, прозвучавшем в 1927 году в беседе И. В. Джугашвили с делегацией американских рабочих: «Если дать вкратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое общество: а) где не будет частной собственности на орудия и средства производства, а будет собственность общественная, коллективная; б) где не будет классов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского хозяйства, экономически управляющиеся, как свободная ассоциация трудящихся; в) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства; г) где не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством; д) где продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; е) где наука и искусство будут пользоваться условиями достаточно благоприятными для того, чтобы добиться полного расцвета; ж) где личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости подлаживаться к «сильным мира», станет действительно свободной. И т. д. и т. п.» [6, с. 134]. Это определение содержится, в частности, в Кратком философском словаре издания 1954 года [7, с. 547].

Изложенное особенно интересно в свете того, что сегодняшние поклонники так называемого «товарища Сталина» (здесь не рассмат-

ваем вопрос о соотношении объекта их поклонения с реальным историческим прототипом) совершенно не интересуются коммунистической перспективой, всегда уходят от ответа на вопрос о том, каким представляют себе бесклассовое коммунистическое общество, в котором осуществился бы принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям», сразу же подменяя тему; их мечта обращена не в будущее, а в прошлое, и притом – воображаемое прошлое. Констатируем противоречие, анализ которого относился бы к сфере социальной психологии: именно эти люди, не интересующиеся коммунистическим обществом и проблемами его построения, воспринимаются массовым сознанием как самые что ни на есть настоящие коммунисты, тогда как мировоззрение коммунистов, негативно относящихся к практической деятельности И. В. Джугашвили и его окружения, воспринимается – в лучшем случае – как некий компромисс между коммунистической идеологией и чем-то ей внешнеположным, чтобы не сказать – чуждым.

Можно предвидеть упрёки деонтологического характера в адрес автора статьи. Выступая как писатель и как участник дискуссий *ad hoc*, он неоднократно заявлял, что считает большевизм в любых его проявлениях самой изощрённой формой антикоммунизма, а здесь, тем не менее, даёт пространные цитаты из В. И. Ульянова (Ленина), И. В. Джугашвили (Сталина) и материалов съезда КПСС. В действительности противоречия нет. Большевики потому и маскировали свою деятельность под строительство социализма и коммунизма, потому и использовали коммунистическую риторику, что мечта о коммунизме владела в конце XIX в. и

в XX в. – примерно до начала 70-х лет – широкими массами народа. Естественно, что руководители большевизма стремились придать в своих текстах отточенную форму идеям, образно говоря, носившимся в воздухе. Другой вопрос, далеко выходящий за изучение семантики и прагматики слов – имела ли их практическая деятельность – в первую голову, в экономическом своём содержании – хотя бы точечное соприкосновение с их декларациями.

Десятки лет каноническое понимание коммунизма было для большинства советских людей, в частности для автора этих строк, единственным. Более того, в 1994 году в ходе путешествия по Югу Африки и обстоятельных бесед с бурами на политические темы автор сталкивался с коммуникативными неудачами, вызванными тем, что он не знал о западной традиции употреблении слова «коммунизм» для обозначения лжесоциализма (по официальной советской терминологии – «реального социализма»), а его собеседники не знали о каноническом (для советского человека) представлении о коммунизме. Вот характерный дискурс: «Насколько вероятным вы считаете откат России назад к коммунизму? – А как это – “назад к коммунизму”? Разве вы не знаете, что нам так и не удалось построить коммунизм? – Как это – не удалось построить? Но у вас же был коммунизм!» Полтора года спустя, читая в Университете Претории лекции по новейшей истории России, автор специально заострял внимание аудитории, состоявшей из коллег-преподавателей (автор – преподаватель бурского языка) на различии в понимании термина «коммунизм». В ходе бесед с менее образованными бурами обнаружилось, что в обыден-

ном сознании «коммунизм» – это, с их точки зрения, атеистическое общество, в котором попытки отправления религиозных культов преследуются в уголовном порядке (по их мнению, именно так и было в СССР).

Неканоническое (для нас) употребление термина «коммунизм» было привнесено в русскую устную и письменную речь из английского языка, в отношении которого его атрибуция в качестве «неканонического» едва ли могла бы быть оправдана. Важно, что при таком переносе слова «коммунизм» на совершенно иной денотат (лжесоциализм) для коммунизма в каноническом понимании термина, то есть для воображаемого общественного строя, в котором осуществился бы принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям» и который описан, в частности, в произведениях И. А. Ефремова о далёком будущем, никакого альтернативного термина не предлагается. Таким образом, коммунизм (в каноническом, в частности ефремовском, понимании) превращается в понятие, лишённое означающего и в силу этого постепенно устраняется из системы означаемых, то есть устраняется даже из инклюзивной картины мира, включающей как реальные, так и нереализованные элементы. В этом вытеснении состоит прагматический аспект тотального изменения семантики слова «коммунизм» с канонической на неканоническую в текстах СМИ, хотя англоязычные словарные определения, строго говоря, оставляют возможность «встроить» и каноническое значение – в качестве частного случая. Таково например определение коммунизма (communism) в Вебстеровском школьном словаре: «1 : общественный строй с обще-

ственной собственностью на материальные блага; *т.ж.*: теория, обосновывающая необходимость такого строя

2 К. а : учение, основанное на революционном Марксовом социализме и на Марксизме-ленинизме – официальной идеологии Союза Советских Социалистических Республик, Китайской Народной Республики и ряда стран-сателлитов **б** : тоталитарная система власти, при которой единственная партия управляет находящимися в государственной собственности средствами производства с заявленной целью построения общества без государства». Оригинал: «**1** : a social system in which property and goods are owned in common; *also* : a theory advocating such a system **2 cap a** : a doctrine based upon revolutionary Marxian socialism and Marxism-Leninism that is the official ideology of the Union of Soviet Socialist Republics, the Chinese People's Republic, and several satellite nations **б** : a totalitarian system of government in which a single party controls state-owned means of production with the professed aim of establishing a stateless society»¹.

В наши дни попытки объяснить семантику слова «коммунизм» всё чаще встречают возражения, основанные на логической ошибке, связанной с подменой оспариваемого тезиса: вам в ответ принимаются объяснять, что такого общественного строя не может существовать в реальной действительности, и лишь *продолжая* мысль оппонента, можно было бы добавить: «и поэтому его определение не заслуживает внимания». Между тем – *что* такое объект, обозначаемый таким-то словом (например словом «нарвал»²,

или «единорог», или «кентавр»), существует ли такой объект в реальной действительности, может ли в принципе существовать такой объект – это три разных вопроса.

Можно сказать, что употребление слова «коммунизм» в XXI веке в ефремовской среде оказалось, в основном, таким же неправильным, как употребление слова «фашизм» в СССР – и, по-видимому, эта неправильность в той же мере необратима. Вспомним факт, мало известный широкой публике: советские офицеры, участвовавшие в допросах пленных немцев в годы Великой Отечественной войны, удивлялись, слыша заявления: «Я национал-социалист и не имею ничего общего с этой фашистской сволочью». Подчеркнём: речь идет не о сравнении общественных систем, а о сравнении особенностей употребления лексических единиц, обозначающих совершенно разные общественные системы.

Совершающееся в русском языке изменение семантики слова «коммунизм» ведёт к коммуникативным неудачам при восприятии текстов, в которых слово «коммунизм» употреблено в каноническом значении – в нашем случае это ефремовские тексты, в первую очередь произведения Ивана Антоновича о далёком будущем. Современный молодой человек, приступая к чтению «Часа Быка» и встретившись в первых же абзацах пролога с прилагательным «коммунистический», ошибочно считает, что речь идёт о том строе, который существовал в СССР и других подобных странах в реальной действительности, и у него возникает ложное впечатление, что роман И. А. Ефремова есть апология этого строя, то есть лжесоциализма. В действительности острое идейно-политического содер-

¹ Webster's School Dictionary. Springfield: Massachusetts, U.S.A. 1986. P. 179.

² Нарвал (лат. Monodon monocerus) – очень редкий вид морских млекопитающих – рогатый дельфин.

жания «Часа Быка» направлено против лжесоциализма – вспомним: на вымышленной планете Торманс, где происходит основная часть действия романа, никакой буржуазии (в общепринятом понимании термина) нет.

Вот несколько цитат из романа «Час Быка» с прилагательным «коммунистический».

1) Учитель знал – после молчания последуют вопросы [...]

– Следует ли понимать так, что начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого? – продолжал он.

– Формулировка неверна [...] – возразил учитель. – Нельзя приравнивать процесс общественного развития к двум чашам весов. Среди знакомых нам [...] цивилизаций известны случаи быстрого и легкого перехода к высшему, коммунистическому обществу. Мы только что говорили о самоуничтожении разобщенного мира, достигшего больших научных и технических познаний. Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война – и так несколько раз, пока производительные силы планеты не истощались и технически не деградировали. Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками [...]

– Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

– Разумеется!

– Тогда я неправильно поставил вопрос, – после некоторого раздумья сказал [...] – Известны ли случаи, когда человечество на какой-нибудь другой планете достигало высоко-

го уровня науки, техники, производительных сил, но не становилось коммунистическим и не погибало от страшных сил преждевременного познания? Много ли таких исключений из общего закона развития, который, если он общий, должен их иметь? (8, с. 8-10).

2) Для Кин Руха [...] эта диорама стала связующей с теми давно исчезнувшими людьми, наследником мыслей и чувств которых он явился, чтобы оценить и понять неизмеримую силу их подвигов. Тех, кто не примирился с безвыходным кругом страданий, страха, болезней и тоски, оцепившими Землю с древних геологических эпох и до той поры, когда [...] удалось наконец построить подлинно высшее общество – коммунистическое. (8, с. 33).

3) Девяносто миллиардов людей прошли под косою времени, начав с шатких шалашей на ветвях деревьев или узких щелей в обрывах скал, пока с победой разума и знания, с наступлением всепланетного коммунистического общества не кончилась ночь несчастий, издавна сопутствовавшая человечеству (8, с. 52).

4) Только теперь не умом, а сердцем поняла [...] всю неизмеримость цены, заплаченной человечеством [...] за его коммунистическое настоящее (8, с. 184).

5) Такая структура не могла вывести планету из ее современного нищенского состояния. В то же время этот строй обеспечивал высочайшие привилегии олигархической верхушке. Хотя сумма преимуществ оказывалась убогой в сравнении с открытой, ясной и здоровой жизнью коммунистического строя Земли, поверить в это и отдать свои привилегии олигархии [...], конечно, не могли (8, с. 222).

б) Для построения коммунистического общества необходимо развитие индивидуальности, но не индивидуализма каждого человека (8, с. 228).

Определение коммунизма как строя, существовавшего де-факто в СССР и других странах, называвшихся у нас «социалистическими», – не единственное из его общественно значимых неправильных определений. Так, например, в «Законе о подавлении коммунизма», принятом в Южно-Африканском Союзе в 1950 году (Закон № 44) и переименованном 1976 году в «Закон о внутренней безопасности», содержится определение коммунизма, с нашей точки зрения совершенно невообразимое.

«...Социалистическое учение Маркса в толковании Ленина или Троцкого, III Коммунистического интернационала (Коминтерна) или любые родственные формы этого учения, распространяемые или пропагандируемые в [Южно-Африканском] Союзе для насаждения [в нём] основных принципов этого учения, в том числе ((в особенности) всякой доктрины и всякого плана, которые

а) ставят своей целью установление деспотической системы правления, основанной на диктатуре пролетариата, при которой признаётся только одна политическая организация, а все другие политические организации подавляются или уничтожаются, или

б) ставят своей целью осуществление любых политических, промышленных, социальных или экономических преобразований в [Южно-Африканском] Союзе путём организации волнений или беспорядков, путём незаконных действий

или бездействия, или путём применения угрозы таких действий или бездействия, или с помощью средств, включающих организацию волнений или беспорядков, незаконных действий или бездействия, или угрозы ими, или

в) ставят своей целью осуществление любых политических, промышленных, социальных или экономических преобразований в [Южно-Африканском] Союзе в соответствии с директивами, или под руководством, или в сотрудничестве с любым иностранным правительством или с любым иностранным или интернациональным учреждением, чьей задачей или одной из задач (провозглашаемых открыто или тайно) является помощь установлению в [Южно-Африканском] Союзе любой политической, промышленной, социальной или экономической системы, аналогичной или идентичной любой системе, существующей в какой-либо стране, принявшей систему правления, охарактеризованную в пункте (а), или

г) ставят своей целью разжигание чувств вражды между проживающими в [Южно-Африканском] Союзе европейской и неевропейскими расами в расчёте использовать результаты этой вражды для достижения какой-либо из целей, перечисленных в пунктах (а) и (б)» [9, с. 199-200].

Таким образом, наряду с несомненной полисемией имени существительного «коммунизм» (и прилагательного «коммунистический») – коммунизм как общественное движение versus коммунизм как общественный строй versus коммунизм как мировоззрение (пример см. чуть ниже в цитате из С. Лема) – следует констатировать лексическую

неоднозначность этих слов применительно к общественному строю. Во-первых, мы имеем дихотомию «коммунизм как общественно-экономическая формация, включающая две стадии – социализм и «полный коммунизм» (и это расширенное понимание коммунизма существовало только в научном сознании и отсутствовало в обыденном) versus «полный коммунизм», то есть коммунизм в каноническом понимании в соответствии с официальным определением, принятым 31 октября 1961 года. Во-вторых, в употреблении указанных имен (существительного и прилагательного) мы имеем добавившуюся на памяти ныне живущего поколения дихотомию «коммунизм в каноническом понимании – как бесклассовый общественный строй, в котором осуществился бы принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”» versus «коммунизм в неканоническом понимании, то есть общественный строй, фактически существовавший в СССР и других подобных странах».

На первый взгляд, во всех случаях имеет место полисемия, но при более внимательном рассмотрении нелишни всё же некоторые оговорки. Здесь будет в высшей степени показателен феномен покаяния Станислава Лема, сожалевшего о написании романа «Магелланово Облако», который многих, по его выражению, «соблазнил». В этом романе С. Лем не только не подвергает сомнению, что коммунистическое общество вырастет из того строя, который существовал де-факто в странах так называемого «социалистического содружества»,

но там даже есть целая глава под названием «коммунисты». Вот одно из свидетельств раскаяния: С. Лем запретил переводить «Магелланово облако» на японский язык, со следующей формулировкой: «Япония не знала коммунистического режима, и если мой роман обратит в коммунизм хотя бы одного-единственного японца, мне суждено гореть в аду»³. Восприятие – и не кем-нибудь, а автором, – литературного произведения, в котором дана развёрнутая и в высшей степени привлекательная картина жизни в коммунистическом обществе (в каноническом понимании термина) как пропаганды лжесоциализма (то есть того строя, к которому стали лукаво применять термин «коммунизм» в его неканоническом значении), едва ли возможно объяснить с позиций одной только логики без обращения к психолингвистике. Приходится констатировать как бы «мерцающий» характер полисемии и недоопределённости – по крайней мере, у части носителей тех языков, для которых актуальны как каноническое, так и неканоническое употребление рассматриваемых здесь интернациональных слов.

В качестве завершающего штриха добавим: по свидетельству семьи И. А. Ефремова, с которой автор дружит с 1976 года, автор «Туманности Андромеды» отказался от предложения советского руководства – в следующей редакции романа «поставить» в коммунистическом обществе памятник В. И. Ленину и получить за это Ленинскую премию.

³ Вернувшийся со звезд (интервью С. Лема) // Общая газета (М.). 2000. 20-26 янв. № 3. С. 16.; Лем, С. Молох. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 371.

Библиографический список

1. Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик [и др.]; под ред. О. В. Фёдоровой и С. Г. Татевосова. М. : Буки Веди, 2019. 672 с. ISBN 978-5-4465-2188-3.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Собрание сочинений (2-е изд.). Т. 3. Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1955. 689 с.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений (5-ое изд.) Т. 33. Государство и революция. М. : Политиздат, 1969. 433 с.
4. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчёт. В 3х томах. Т. III. М. : Госполитиздат, 1962. 592 с.
5. Ефремов, И. А. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. Книга вторая. М. : Молодая гвардия, 1976. 384 с.
6. Сталин, И. В. Сочинения. Т. 10. М. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1949.
7. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М. : Госполитиздат, 1954. 704 с.
8. Ефремов, И. А. Час Быка. СПб : Азбука, 2015. 512 с.
9. Бантинг, Б. Становление Южно-Африканского Рейха. М. : Мысль, 1965. 391 с.

Дата поступления в редакцию: 10.01.2021.

Принята к печати: 1.03.2021.

Сведения об авторе:

Яковлев Андрей Викторович, кандидат филологических наук, ассоциированный член Центра исследований стран Юга Африки, Институт Африки Российской академии наук. Москва, Россия.
e-mail: teyram@mail.ru

A. V. Yakovlev¹

¹Institute for African Studies of the RAS. Moscow, Russia

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE NOUN COMMUNISM AND OF THE ADJECTIVE COMMUNIST AND CHALLENGES IN UNDERSTANDING PROF. EFREMOV'S SCIENCE FICTION NOVELS ABOUT REMOTE FUTURE

Abstract. The paper deals with the polysemy of the word *communism*, focusing on its canonical meaning – “From each according to his ability, to each according to his needs” classless society, depicted in Prof. Efremov’s SF novels and which assumed official definition in 1961. This meaning is now being ousted by the one traditional for the West and referring to what Prof. Efremov called pseudosocialism. The change in the semantics of the word “communism” in the Russian language leads to communicative failures in the perception of texts in which the word “communism” is used in the canonical meaning. Along with the undoubted polysemy of the noun “communism” (and the adjective “communist”) – communism as a social movement versus communism as a social system versus communism as a worldview, it is necessary to state the lexical ambiguity of these words in relation to the social system.

Keywords: vagueness, polysemy, ambiguity, semantics, pragmatics, Prof. Ivan Efremov, communism, socialism, pseudo-socialism, perception of literary works.

For citation: Yakovlev A. V. Semantics and pragmatics of the noun communism and of the adjective communist and challenges in understanding prof. Efremov's science fiction novels about remote future. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 80-91. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.7

References

1. *Vvedenie v nauku o yazyke*. (2019). Ed. by O. V. Federova, S. G. Tatevosova. M. : Buki Vedi. 672 p. ISBN 978-5-4465-2188-3. (In Russ.).
2. Marks K., Ehngel's F. (1955). *Sobranie sochinenii* (2-e izd.). T. 3. *Nemetskaya ideologiya*. [Die deutsche Ideologie]. M. : Politizdat, 689 c. (In Russ.).
3. Lenin V. I. (1969). *Polnoe sobranie sochinenii* (5-oe izd.) T. 33. *Gosudarstvo i revolyutsiya*. [The State and Revolution]. M. : Politizdat. 433 p. (In Russ.).
4. *XXII s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz*. (1962). [The 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union]. V 3kh tomakh. T. 3. M. : Gospolitizdat. 592 p. (In Russ.).
5. Efremov I. A. (1976). *Sochineniya v 3-kh tomakh*. T. 3. *Kniga vtoraya*. M. : Molodaya gvardiya. 384 p. (In Russ.).
6. Stalin I. V. (1949). *Sochineniya*. T. 10. M. : OGIZ, Gospolitizdat. (In Russ.).
7. *Kratkii filosofskii slovar'*. (1954). [Short Philosophical Dictionary]. Ed. by M. Rozen-tal', P. Yudin. M. : Gospolitizdat. 704 p. (In Russ.).
8. Efremov I. A. (2015). *Chas Byka*. [The Bull's Hour]. SPb : Azbuka. 512 p. (In Russ.).
9. Banting B. (1965). *Stanovlenie Yuzhno-Afrikanskogo Reikha*. M. : Mysl'. 391 p. (In Russ.).

The article was submitted on January 10, 2021.

Accepted on March 01, 2021.

Information about the author:

Andrei V. Yakovlev, Candidate of Philology, Associate Member
of the Southern African Studies Center, Institute for African Studies of the RAS. Moscow, Russia.
e-mail: teyram@mail.ru